

5. Михед П.В. Романы В.Т. Нарезного и Украина // Нарезный В.Т. Бурсак, малороссийская повесть; Два Ивана, или Страсть к тяжбам; Гаркуша, малороссийский разбойник; Романы / Вст. ст. и примеч. П.В. Михеда. Киев, 1988.
6. Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М., 1955.
7. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975.
8. Петрунина Н.Н. Проза второй половины 1820–30-х гг. // История русской литературы: В 4 т. Т. 2. Л., 1981.
9. См.: Багалий Д. Характеристика просветительской деятельности Харьковского университета в первое десятилетие его существования // Русская школа. 1892. Ч. 9.
10. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 7. М., 1963–1959.
11. Берег. 1880. № 268.
12. Институт рукописи Центральной научной библиотеки Украины. Фонд I. № 3014.
13. Манн Ю.В. «Сквозь видимый миру смех...». Жизнь Н.В. Гоголя. 1809–1835 гг. М., 1994.
14. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. Т. 1. М., 2001.

А.В. Марунов

РУССКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЗА 1820–30-Х ГОДОВ КАК «ВАКУУМ» ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАНДАРТА ПО ЛИТЕРАТУРЕ

Кузбасская государственная педагогическая академия

Развитие мировой литературы представляет целостный процесс, закономерности которого взаимосвязаны с закономерностями развития общества и культуры. В силу исторической неоднородности разных стран и народов развитие литературы обладает существенной неоднородностью, и потому одной из важнейших задач современного отечественного литературоведения является определение специфических черт той или иной национальной школы в рамках мирового историко-литературного процесса. Для России эта проблема имеет большое значение в связи с тем, что ее историческое и культурное развитие не укладывается в традиционные схемы и образцы.

Понимание специфики и значения русской литературы в рамках мирового историко-литературного процесса в значительной степени связано с пониманием серьезных различий между формами западного и русского философствования.

Отличительной чертой отечественной литературы является специфика самого стиля философствования. Если в зарубежной литературе, начиная с XVII в., господствовал чисто рациональный, «научный» метод изложения, то в русской историко-литературной традиции рационалистический стиль никогда не был основным. Более того, многие писатели решительно отвергали его как ложную форму философского познания, не позволяющую достичь до сути главных проблем бытия. В русском менталитете образное, художественное, интуитивное отношение к миру обладало

явным преимуществом перед абстрактно-образным его освоением, поэтому и в литературе первой четверти XIX в. ведущим оказался эмоционально-образный стиль философствования, отдающий предпочтение ярким художественным образам и аналогиям, интуитивным прозрениям, а не строгим логическим рассуждениям.

Все это позволяет объяснить интерес к такому феномену в истории отечественной литературы как русская философская проза 1820–30-х гг., представленная именами лобомудров – В.Ф. Одоевского, Д.В. Веневитинова и др. Именно их усилиями была заложена стилевая и содержательная основа, определившая своеобразие русской философской прозы, фундаментом которой стало глубинное родство отечественной философии и литературы.

Рассмотрение становления и развития русской философской прозы в контексте отечественного историко-литературного процесса является своевременным и актуальным, так как позволяет, на наш взгляд, обогатить представление о процессе формирования русского реализма, о его философском потенциале, дает возможность полнее выявить специфику отечественной литературы, восстановить непреходящие ценности русской культуры, погрязшие и наспех переименованные в «деструктивный период» нашей истории, реабилитировать и наполнить их истинным содержанием. К сожалению, в имеющихся учебниках и учебных пособиях по истории русской литературы первой четверти XIX в. этот этап развития

отечественной литературы не получил должного освещения.

В настоящей статье хотелось бы остановиться на проблеме самобытности русской литературы, в частности ее непрерывной составной части – русской философской прозы первой четверти XIX в.

Русская литература этого периода и русская литература в целом развивались под философским знаком, что в большой степени определяло особенности общекультурного развития этой эпохи. Философия захватывает все стороны русской жизни, активно вторгается в литературу, науку, искусство, педагогику. Присутствие философской мысли в научном трактате, статье, учебнике, прозаическом литературном произведении было заявкой на общекультурную доброкачественность и актуальность.

Общественное сознание передовой русской интеллигенции после подавления движения декабристов обнаружило стремление уйти в область философских исканий, интеллектуализироваться, откликаться на все прогрессивные тенденции в науке. В.Г. Белинский в статье о М.Ю. Лермонтове называл XIX в. веком рефлексии, считая, что безверие людей, охлаждение их к жизни – это результат «переходного состояния духа, в котором для человека все старое разрушено, а нового еще нет, и в котором человек есть только возможность чего-то действительного в будущем и совершенный призрак в настоящем» [1, с. 253].

В критике и эстетике возрастает интерес к проблеме мечты, идеала. Идеал эпохи носит всеобщий характер и, обладая интенсивностью и яркостью художественного образа, способствует проникновению во внутренний мир человека, стремясь зафиксировать утрату гармонии в окружающем мире.

В русской культурной традиции второй половины 1820-х и до начала 1840-х гг. существовал широкий круг литераторов, активно стремившихся к разработке философски содержательных форм, отчасти напоминающих художественные. По мысли В. Кожина, «русская эстетическая мысль развивала традиции немецкой классической эстетики, воплотившейся прежде всего в трактатах Канта, Гегеля, Шеллинга, и теоретических размышлений Гёте и Шиллера» [2, с. 191]. Речь идет, конечно, не о простом продолжении, но о творческом развитии, которое включает в себя и существенную полемику, и диалектическое отрицание традиции на русской почве.

Следует заметить, что «философизация» русской культуры в целом и литературы в частности не была абсолютно новым явлением в период после 1825 г., и этому есть свое объяснение.

С. Шевырëв, стоявший на эстетических позициях, характерных для кружка Любомудров, в статье «О критике вообще и у нас в России» отмечал своеобразие русской национальной художественной мысли: «Там в Западной Европе творцы поэты открывают начало литературы: здесь критик есть первый ее начинатель. Там является Поэзия без сознания, по вдохновению... здесь совершенно обратно, здесь Критика в начале, Поэзия за нею...» [3, с. 493]. После 1825 г. философское течение в русской литературе обретает новое качество, становится более социально и теоретически осознанным, приобретает своих выразителей.

Огромная роль в становлении русской философской прозы, наряду с поэзией и эстетикой, принадлежит группе литераторов, членам Московского кружка Любомудров, в особенности В.Ф. Одоевскому и Д.В. Веневитинову. Перед русской прозой встала задача освоить немецкую философию и на этом фундаменте создать качественно новый тип прозы, что привело «к перестройке не только ряда категорий эстетики» [3, с. 5], но и ее форм, стремящихся к логически связанной системе опосредованных выводов, заключенных в основном в художественных образах.

Речь идет не о том, чтобы сблизить сферы философии и литературы, перелить в прозу философское содержание, освоить «философский» стиль мышления, хотя и это имело место, но о том, чтобы закрепить за философией ведущее место, создать прозу, в которой все организуется рационально выраженной и сформулированной идеей, а не способом образного мышления писателя.

Творчество Любомудров и В.Ф. Одоевского еще в 1820-е гг. представляет собой первый на русской литературной почве опыт создания философской прозы. Е.А. Баратынский в середине января 1826 г. писал А.С. Пушкину: «Надо тебе сказать, что московская молодежь помешана на трансцендентальной философии» [4, с. 292]. Немецкое Любомудрие возбуждало если и не общее сочувствие, то, по крайней мере, любопытство у молодого поколения, которое обратилось к первоисточнику и читало немецкую эстетику на языке оригинала. Немецкая философская терминология широко распространилась в России: не было книги, журнальной статьи, где не было бы заметно ее влияние. «Но удивительно, – замечал И.В. Киреевский, – что когда мы вникаем несколько внимательнее в это всеобщее распространение философских знаний, то увидим, что настоящий источник его находится не в изучении философских писателей, не в усвоении тех или других систем, но, так сказать, в том воздухе, которым мы дышим» [5, с. 133].

После разгрома декабристов передовая русская мысль начинает испытывать давление и опеку со стороны реакционной государственной машины. Ища выхода из тупика, дворянская интеллигенция не стремилась к чистому отвлеченному знанию, как это было в Германии, а, побуждаемая стремлением выжить в обстановке реакции, приходила к социальной философии действия через гегельянские и шеллингианские философские системы. Может показаться, что в этот период русская интеллигенция жила только теоретическими интересами. Но это не совсем так. Мятущееся сознание искало точку опоры для миропонимания и, найдя ее в немецкой философии, устремилось к разрешению первоочередных проблем русской духовной жизни.

Вопрос о будущем русского народа в ряду других наций мира, с особой остротой поставленный с позиций философии истории П.Я. Чаадаевым, а также борьба за свободу личности – таковы главные проблемы русской общественной жизни после 1825 г. Вот как оценивал политическую обстановку этой эпохи А.И. Герцен: «Первые десять лет после 1825 г. были страшны не только от открытого гонения всякой мысли, но от полнейшей пустоты, обличившейся в обществе; оно пало, оно было сбито с толку и запугано. Лучшие люди разглядели, что прежние пути развития вряд ли возможны, новых не знали. Серое осеннее небо тяжело и безотрадно заволкло душу» [6, с. 288].

Поиск новых идеалов, обращение к проблемам развития внутренней духовной жизни личности, стремление выработать новое мирозерцание, осознать новые цели общественной жизни – таковы основные проблемы русской культуры конца 1820–30-х гг. Это была эпоха напряженных философских и нравственных поисков. Эстетический идеализм и натурфилософия Шеллинга больше всего отвечали этим настроениям. Русская культура выбрала путь самопознания личности и проникновения в сущность природы, дающей возможность индивиду спроецировать эти духовно-философские искания на практическую деятельность. «Самопознание, – писал Д.В. Веневитинов, – вот идея, одна только могущая одушевить вселенную, вот цель и венец человека...» [7, с. 458].

Эпоха «общественного недуга», как ее называл В.Г. Белинский, сказала в творчестве писателей-любомудров с огромной силой. Оно вобрало в себя горечь и тревогу людей, переживших крушение декабристских идеалов, поставивших лично для себя и для государства вопрос о праве на насилие. В их творчестве прозвучали мотивы

страдания и тревоги за человечество. Трагические условия русской действительности тех лет естественно и неотвратно вызвали в прозе и поэзии 1830-х гг. настроения душевной скорби, безысходной тоски, жажду углубленного самоанализа, рефлексии. Творчество любомудров включалось в общекультурный контекст философских поисков, способствующих пробуждению общественного самосознания.

Постепенно наступает время, когда рефлексия превращается в более логизированное явление, приобретает философский характер, поэтому и литература переживает своеобразную эволюцию, интеллектуализируется и осваивает не просто философскую терминологию, но философский способ мышления, проникает в ткань художественного образа. Идея не только не заслоняет собой живой образ, но часто содействует его возникновению. Философское мышление, проникшее в художественный образ, устанавливает между эстетическим субъектом и объектом новые связи и соотношения. Именно в области философии, эстетики и литературы осуществляются в русской культуре поиски возможностей целостного проявления личности. Так, И.В. Киреевский в «Обзрении русской словесности за 1831 год» замечал: «Между тем как в других государствах дела государственные, поглощая все умы, служат главным мерилем их просвещения, у нас неуслышанные попечения прозорливого Правительства избавляют частных людей от необходимости заниматься политикой, и, таким образом, единственным указателем нашего умственного развития остается литература. Вот почему в России следовать за ходом словесности необходимо не только для литераторов, но и для каждого гражданина, желающего иметь какие-нибудь понятия о нравственном состоянии своего отечества» [5, с. 41].

В эстетике и в литературе личность стремится найти гармонию, единство разума, воли и действительности. «Поэзия и философия – вот душа сущего», – восклицал Н.В. Станкевич [8, с. 197]. Теоретическая мысль, сколь бы могущественной она ни казалась, никогда не играла в эту эпоху самоценную роль. Философией увлекались, ее изучали, видели в этой науке ключ ко всем тайнам бытия. Но вот характерное признание Н.В. Станкевича в письме к Я.М. Неверову: «Философию я не считаю моим призванием; она, может быть, ступень, через которую я перейду к другим занятиям...» [8, с. 158–159]. Далее он замечал: «Деятельность... вот одно прибежище мне!» [8, с. 170]. Подобные же мысли высказывали в разное время Д.В. Веневитинов и В.Ф. Одоевский, их постоянно мучила неполнота самоосуществле-

ния. Философия была для них «вратами в мир действительный», была «горнилом», через которое можно было «провести... статью за статьей прежнего кодекса» (А.И. Герцен). Таково типичное понимание роли и значения философской мысли для общественного и художественного развития России 1830-х гг.

Развитие философии мыслилось лишь в том направлении, которое открывало пути к решению трудных и сложных проблем современного общественного бытия. «Живя среди абстракций и варварства, — вспоминал это время Н.И. Сазонов, — мыслящее меньшинство русской молодежи, воодушевленное любовью к родине и свободе, с неутомимым рвением искало выхода, который примирил бы ее с народом» [9, с. 196]. Именно в русской эстетической мысли, основанной на немецкой философии, начало возрождаться свободолобие.

Таким образом, процесс формирования русской

философской прозы неразрывно связан с ведущей тенденцией общественной мысли 1830-х гг. к выявлению философии личности и истории, с внедрением проповеднического и публицистического начала в литературу. Общий процесс поиска смысла бытия, универсальных идей, атмосфера бурных кружковых споров вокруг наследия немецкой философии — все это способствовало внедрению философии в искусство.

Процесс рождения и утверждения оригинальной русской прозы был неразрывно связан с поиском «общих начал» бытия, с циклизацией малых форм и жанров, с освоением дидактико-риторических форм высказывания. Эти два процесса тесно переплетались в эпоху жгучих дискуссий о нравах и обязанностях личности. Философская проза в этом смысле стала формой времени и художественной лабораторией общественно-философских поисков.

Литература

1. Белинский В.Г. Собр. соч.: В 13 т. Т. 4. М., 1954.
2. Кожин В.В. Немецкая классическая эстетика и русская литература // Традиция в истории культуры. М., 1974.
3. Манн Ю.В. Русская философская эстетика. М., 1969.
4. Баратынский Е.А. Стихотворения, поэмы, проза, письма. М., 1951.
5. Киреевский И.В. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1953.
6. Герцен А.И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М., 1956.
7. Веневитинов Д.В. Избранное. М., 1956.
8. Станкевич Н.В. Переписка // Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография, написанная П.В. Анненковым. М., 1857.
9. Литературное наследство. Т. 41–42. М., 1941.

О.Б. Кафанова

ЖОРЖ САНД И НАЧАЛО РАЗРУШЕНИЯ ПАТРИАРХАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Томский государственный университет

Под патриархальным сознанием в настоящее время понимается сознание, соответствующее культуре, в которой ответственность полов внутри публичного и частного пространства дифференцирована и разделена: женщина в большей мере отвечает за семью, дом, воспитание детей; мужчина доминирует во властных структурах, суде, на руководящих постах в экономике, производстве и т.д. На протяжении многовековой истории развития человечества «всеобщее оказалось на полюсе мужчин», а «частное, особенное и малозначимое — на полюсе Женщин» [1, с. 165]. Своего рода асимметрия в организации общества, в

том числе европейского и российского, безусловно, существует и в наше время. Поэтому можно говорить о сохранении черт патриархального сознания и в современной России [2].

Что касается второй трети XIX в., когда началось проникновение в русскую литературу романов Жорж Санд, то в это время общественное сознание страны репрезентировало крайности патриархального мышления. Женщина была абсолютно выключена из публичных сфер бытия. Все политические, законодательные, церковные, образовательные учреждения отражали «мужскую» точку зрения, которая идентифицировалась с об-